

дивергентных признаков, отличающих носителей украинской ментальности от носителей польской.

Ключевые слова: паремия, пословицы и поговорки, жена, замужняя женщина, семейная иерархия, супруги, мужчина.

Myroshnichenko I. M. Proverb conceptualization of the wife (on the material of the Polish and Ukrainian languages).

In the article the features of the proverbial verbalization of stereotype national representations about the wife in the Polish and Ukrainian languages are studied. It has been established that the image of a wife, with all its convergence, has many divergent features that distinguish the carriers of the Ukrainian mentality from the Polish carriers. Particularly, in the collective representation of the Ukrainians, verbalized in proverbs, the lack of intelligence in one's wife was more valued than its presence. Instead, in the representations of the Poles, the mental preferences of her over her husband envisioned changes in the family hierarchy. It has been determined that in Ukrainian proverbs marital relations receive a higher status qualification mark than relations with the closest blood relatives. It has been found out that the duties of a Polish wife, unlike Ukrainian, were limited to typical domestic work. It is noteworthy that the wife for the carrier of the Ukrainian collective consciousness is a friend and advisor. In the proverbs of both languages the divorce, marriage of mercenary considerations, and the positional-psychological role of the henpecked husband are strongly condemned. In both Polish and Ukrainian proverbs the idea that the material advantage of a wife over her husband changes the traditional family hierarchy.

Keywords: proverb, wife, married woman, family hierarchy, marriage, husband.

И. Смирнов
Лодзинский университет
(Польша)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗООМОРФНОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ПОСТРОЕНИИ ЭКСПРЕССИВНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье использована методика сопоставления оригинальных метафор на русском языке и их переводов на китайский язык. Эта методика является традиционной: при ее использовании сопоставляются метафоры оригинального текста и их перевод на другой язык. Такое сопоставление позволяет выявить факты параллелизма метафорических образов и вместе с тем показать, что некоторые метафорические значения не могут быть переведены на другой язык буквально, что свидетельствует о различиях, существующих в данных языках метафорических моделях.

Ключевые слова: зооморфная лексика, метафорическая номинация, лингвокультурология, оценочно-метафорическая лексика.

Способность метафор создавать целостность, объединяя разнородный материал, постоянно привлекает к ним интерес лингвистов [2, с. 104]. Заслуживают внимания труды о смысле метафоры И. Канта, Ф. Ницше, Н. Н. Волкова, М. Джонсона и Дж. Лакоффа, Е. С. Кубряковой.

Долгое время специальный анализ сущности природы метафоры и ее функций отсутствовал. Научные исследования в данном направлении велись медленно, и только в 60-е гг. XX в. лингвисты вновь заинтересовались метафорой. Г. Н. Склярская отмечает, что как только метафора была осознана, вычленена из ряда других языковых явлений и описана, то перестала быть украшением речи и теперь занимает особое место в когнитивной теории языка. Она называет метафору феноменом языка и придерживается той точки зрения, что метафоры применяются в языке не из-за недостатка слов, а для создания экспрессии. Г. Н. Склярская отмечает, что только в XX в. метафора была изучена в традиционной лингвистике как феномен языка, выведена из области поэтики и стала применяться в науке [8, с. 30].

Революционным для своего времени был вклад в теорию метафоры англо-американского философа и лингвиста А. Ричардса. В 1936 г. он издал свой знаменитый труд “Философия риторики”. А. Ричардс разработал собственный метод изучения метафоры, а его взгляды в этой области заложили основу теории интеракции. По его мнению, в основе метафоры лежит взаимодействие идей и смена контекста. Долгое время употребление метафор считалось недопустимым для языка науки из-за появления неточностей, связанных с двусмысленностью метафор [7, с. 46].

Испанский философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет отмечал вспомогательную роль метафоры в науке. “Метафора – необходимое орудие мышления, форма научной мысли, наука лишь прибегает к метафоре, не более того” [6, с. 68]. Метафора, по мнению ученого, имеет в науке два разных употребления. Создавая новые понятия, исследователь пытается передать его суть через уже существующую терминологию. В результате на базе старых понятий появляются новые термины, и они закрепляются в науке. Метафора является не только средством выражения, сама метафора является орудием мышления. Роль метафоры как орудия мысли в логике он сравнивал с винтовкой или удочкой [6, с. 71].

Известный американский ученый Эрл Маккормак выделил причины возникновения метафоры. Он считал, что невозможно объяснить возникновение метафор без существования конструкции глубинных структур человеческого разума. Изучая когнитивную теорию метафоры, Э. Маккормак расположил иерархию идеальных конструкций на двух уровнях глубинных структур: на семантическом и на когнитивном [5, с. 359]. Посредством определения этих уровней он доказывал, что в основе семантического процесса лежит процесс когнитивный, а реальные метафоры составляют поверхностный язык. Поверхностный язык играет важную роль, обеспечивая контекст для интерпретации, особенно в том, что касается определения значения семантических компонентов метафоры. Для того, чтобы понять

когнитивные процессы, порождающие метафору, Э. Маккормак использовал эвристические механизмы – поверхностный язык, семантику и синтаксис, познание [там же]. Ученый считал, что метафоры могут оказать влияние на биологическую эволюцию и в какой-то мере ее изменить, ведь они влияют на поведение человека, меняют его язык. Он считал метафору посредником между разумом и культурой [5, с. 361]. Природа порождения метафор связана с семантическим сдвигом, который не объясняет “соположение референтов, нормально никак не связанных” [5, с. 358].

Другой американский философ Дональд Герберт Дэвидсон считал, что для создания метафоры не нужно творческих усилий. Он не поддерживал мнение о том, что метафора имеет особое значение, не является она и средством передачи идей. Метафора помимо своего буквального значения имеет еще и особое когнитивное содержание. Метафорические и образные значения возникают посредством функционирования слов [3, с. 175]. Если брать за основу утверждение Дэвидсона о том, что “любая коммуникация – это взаимодействие мысли изреченной и мысли, извлеченной из речи”, то получится, что метафора определяется только благодаря присутствию в ней художественного начала [3, с. 173]. Метафору нельзя перефразировать. Эту мысль о парафразе Дэвидсон объяснял тем, что метафора не изменяет буквальное значение, а “просто нечего перефразировать”, их даже интерпретировать трудно. Интерес для него как ученого представлял процесс “схватывания” метафорического значения [3, с. 176].

Одним из первых исследователей, непосредственно связавших метафору с научным познанием, был американский аналитический философ Макс Блэк. Именно он является автором терминов “фокус” (*focus*) и “рамка” (*frame*). М. Блэк отмечал, что создание предложений, целиком состоящих из метафор, приводит к появлению пословиц, аллегорий, загадок. Он рассматривал три точки зрения на метафору: интеракционистскую, субституциональную и сравнительную [1, с. 155]. Согласно субституциональному взгляду на метафору, метафорическое выражение всегда употребляется вместо некоторого эквивалентного ему буквального выражения, а также подход, согласно которому любое предложение, содержащее метафору, рассматривается как замещающее некоторый набор предложений с прямым значением [1, с. 156]. Ученый говорил о том, что субституциональная точка зрения в той или иной форме принимается большинством авторов. М. Блэк отмечал эту точку зрения как наиболее укоренившуюся и считал, что автор, утверждающий другой взгляд, приближается к старому определению: “говорить одно, а иметь в виду другое”. Согласно субституциональной концепции, фокус метафоры служит для передачи смысла, который в принципе мог бы быть выражен буквально, понимание метафоры уподобляется разгадыванию загадки [1, с. 160]. Точка

зрения, утверждающая, что в основе метафоры лежит демонстрация сходства или аналогии, является в терминологии М. Блэка сравнительной точкой зрения на метафору. Главным отличием субституциональной концепции ученого и сравнительной точки зрения является то, что при сравнительной точке зрения требуется более детальная перефразировка. Третьей точкой зрения, рассматриваемой М. Блэком, является интеракционистская точка зрения на метафору. Он говорил о том, что она лишена главных недостатков субституциональной и сравнительной точек зрения и проникает в суть употребления метафор и границ самого этого понятия. Блэк заставляет всех признать, что правила языка оставляют широкий простор для варьирования, индивидуальной инициативы и творчества [1, с. 162].

В современной когнитологии изучение метафоры имеет определенные традиции. Именно когнитивная лингвистика нашла связь между языком и сознанием человека. В настоящее время разработаны исследования, посвященные когнитивной метафоре. Мышление человека и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой. Известный польский ученый-лингвист Александр Киклевич дает определение понятия “метафора” с позиции когнитивизма. Метафора с когнитивной точки зрения представляет собой проецирование знаний о сущностях одного рода на восприятие и понимание сущностей другого рода. Он подчеркивает, что в процессе проецирования участвуют два объекта: 1) исходная концептуальная область – донор, источник, эффектор и 2) определяемая концептуальная область – рецептор, цель. Основываясь на идее когнитивного подхода, А. Киклевич определяет функциональную значимость метафоры, которая проявляется в том, что с помощью ассоциируемых импликаций одной познавательной модели конструируется познавательная модель нового объекта вводимого в опытную область человека. Такова функциональная значимость метафоры с когнитивной точки зрения. Ученый объясняет формирование понятия в сознании человека, тогда как само сознание формируется путем интеллектуального расчленения наблюдаемого явления, выделения существенных признаков, приписывания им символов и построения пропозициональной модели [4, с. 30].

Постепенно метафора начала рассматриваться как важный компонент научных теорий и обрела свое место в научной картине мира. С. С. Гусев, занимаясь исследованием метафор, считал, что современные исследователи должны рассматривать метафорические выражения как одно из важнейших средств конструирования языка. Таким способом можно решить проблему, оказавшуюся непосильной для прошлого – проблему становления нового знания [1, с. 104].

Г. Н. Складаревская считает, что неоднозначность теорий метафоры, которая сама по себе является лингвокультурологическим феноменом,

приводит к различному толкованию понятия метафоры. Метафора рассчитана на создаваемый ею образно-эмоциональный эффект. В предложении метафора является не только средством лексической выразительности, она способна на построение образов.

Будучи “повсеместной” и “все пронизывающей”, метафора встречается в различных сферах жизнедеятельности человека. Язык различных научных теорий строится на основе метафор. Изучение метафоры может оказаться ключом к пониманию многих проблем современной науки. На современном этапе развития лингвистической науки метафору исследуют в языкознании, философии, психологии, медицине, экономике, военном искусстве. Существует большое количество работ, посвященных метафоре научного текста (Н. Д. Арутюнова, Г. С. Баранов, Г. Г. Кулиев, С. С. Гусев), метафоре научно-популярного текста (Л. С. Билоус, В. Ф. Крюкова, Н. В. Позднякова), а также метафоре текстов средств массовой информации (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, М. Р. Желтухина, Е. И. Чепанова, Т. А. Ширяева и др.) [8, с. 4].

Как видно из вышеизложенного, несмотря на наличие большого количества литературы, посвященной лингвистическому аспекту метафоры, многие вопросы остаются не до конца изученными. На каждом этапе развития лингвистики раскрываются новые аспекты изучения данной проблемы. С позиции антропологической научной парадигмы представляет большой интерес исследование метафоры в когнитивной проекции.

Употребления зоонимов во вторичных значениях следует отличать от ряда других типов словоупотреблений: употребления зоонимов в составе словосочетаний, предлагаемых словарями для перевода зоонимов языка-эталона сравнения; употребления лексем, для которых значение “животное” не является исторически первичным; употребления этимологических омонимов того или иного зоонима; употребления лексем, в искаженном написании совпадающих по форме с зоонимом; употребления зоонимов в составе сравнений, метаморфоз, идиоматически переосмысленных сочетаний и сложных слов.

Тип регулярного метафорического переноса “животное – человек” играет роль одного из самых сильных языковых экспрессивных средств. Обычно такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской [8, с. 4].

В языке также присутствует положительная оценочная лексика, характеризующая человека. Например: *ласточка, голубушка, кошечка* и др.

В статье представлены зооморфизмы и варианты их использования при построении синтаксических конструкций. Приведенные примеры наиболее точно демонстрируют вторичное метафорическое значение, которое

закреплено за данными лексемами. Так как исследователи пользуются разными методами при анализе семантики и синтаксиса, в работе эти категории разграничены. При анализе лексических единиц русского и китайского языков были выявлены семантические различия в обоих языках, и для более детального анализа разумно будет использовать лексико-синтаксический подход, который в полной мере отражает процесс того, как человек использует лексемы в языке при построении структурированного предложения.

Перевод предложений с китайского языка на русский выполнен методом калькирования. Предложения, помеченные (ruscorporal), взяты из национального корпуса русского языка. Примеры, приведенные на китайском языке, взяты из Большого Китайско-Русского Словаря [БКРС].

В статье приведены наиболее интересные варианты употребления вторичных метафорических номинаций относящихся к человеку в русском и китайском языках:

1. *Жеребец*

Пока Эмма лежала в роддоме, Миша часто приходил пьяным и веселым, как молодой жеребец, пел “Я – институтка, дочь камергера...” (Д. Симонова “Легкие крылышки” (ruscorporal)).

公马

辕下驹

Перевод: *Жеребец в оглоблях!*

2. *Индюк*

Этот тоскливый индюк вот уже целый год домогается меня, а – вот ему! (Н. Леонов А. Макеев “Эхо дефолта” (ruscorporal)).

公火鸡

傲慢得像公火鸡

样.例句,像公火鸡

样极其傲慢地走进了办公室[БКРС]

Перевод: *В общественных местах ведет себя высокомерно, словно индюк, важно шагая в офис.*

3. *Каракатица*

Уж кто ее там ни приглашал, а поселилась эта каракатица именно у Матвея! (Л. Петрушевская “Западня” (ruscorporal)).

墨鱼

他看着别扭的墨鱼 [БКРС]

Перевод: *Он выглядел неловко, словно каракатица.*

4. *Корова*

Светка лежала на кровати, как корова – победительница сельхозвыставки (М. Трауб “Ласточ...ка” (ruscorporal)).

牛

像牛一样舔犊 [БКРС]

Перевод: *Подобно корове ухаживала за своим потомством.*

5. Курица

Он плеснул стакан воды на лицо девушки – “Очнись, курица!” – примирительно выдавил он (А. Бельтюков. Виза на смерть // “Криминальный отдел” (ruscorporal)).

鸡

鸡是在一个黑暗的胡同[БКРС]

Перевод: *Курица стояла в темном переулке улицы.*

6. Лебедь

Лермонтов барахтается в жизни, как лебедь в грязной луже (Б. А. Садовской “М. Ю. Лермонтов” (ruscorporal)).

天鹅

庄严天鹅就像他在别人扔阴影[БКРС]

Перевод: *Подобно статному лебедю он бросал тень на окружающих.*

7. Лошадь

Фаина-то пьет мало, а адвокатская дочка хлещет, как лошадь! (Ю. О. Домбровский “Факультет ненужных вещей” ч.4 (ruscorporal)).

马

做牛做马! [БКРС]

Перевод: *Пашешь как лошадь!*

8. Овца

Эта овца, оказалось, все терпела – от свекрови и от мужа, пока Люда не решила положить этому конец (Н. Катерли На два голоса // “Звезда” (ruscorporal)).

绵羊

这可真是个温驯的绵羊, 还算个学者呢! [БКРС]

Перевод: *Вот настоящая овца, а еще ученой себя считает!*

9. Павлин

Они там костями ложатся, а я здесь, как павлин, в погонах и медалях красуюсь (А. Степанов “В последнюю очередь” ч.2 (ruscorporal)).

孔雀

孔雀喻煞费苦心把自己装扮成有地位或有学识等人物的人 (在线词典)

Перевод: *Вел себя как павлин, старательно одеваясь, чтобы подчеркнуть свой светский статус и знакомства с людьми.*

10. Сорока

Ты привык с чужих слов, как сорока, болтать, а ты сам подумай (Толковый словарь современного русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова).

喜鹊

喜鹊来了,带来了幸福 [БКРС]

Перевод: *Словно сорока прилетела, и принесла окружающим счастье.*

11. Тетерев

А что, если я глух как тетерев (вот, и справка имеется)?
(Е. Завершнева “Высотка” (ruscorgol)).

乌鸡

如何松鸡从街头逃到 [БКРС]

Перевод: *Подобно тетереву быстро скрылась с улицы.*

Таким образом, учет прагматического и синтаксического аспектов позволяет более детально разобраться в психологических, ментальных и социальных особенностях, присущих определенному языковому сообществу. Достаточно часто выбор уподобления человека животному делается с целью выделить для его описания какой-либо присущий ему положительный или отрицательный признак, содержащий эмотивный эффект. В повседневной жизни зоонимы-эмотивы являются разновидностью экспрессивной лексики. Обычно такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской. Сопоставительный анализ метафорических номинаций показал, как в разных языках отражаются различия в эмоционально-оценочной номинации и реализуется национально-культурная коннотация. Чем больше различий в природной среде, культуре, традициях, бытовом укладе каких-либо этносов, тем больше в их национальных языках пластов лексики, которые можно отнести к категории обозначений национально-специфических реалий.

Л и т е р а т у р а :

1. Блэк М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры / [под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 155–162.
2. Гусев С. С. Наука и метафора / С. С. Гусев. – Л., 1984. – 104 с.
3. Дэвидсон Д. Метафора / Д. Дэвидсон // Теория метафоры / [под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 173–176.
4. Киклевич А. Притяжение языка / А. Киклевич. – Т. 1. Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. – Olzstyn : ALGRAF, 2007. – 30 с.
5. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры / [под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 358–361.
6. Ортега-и-Гассет Х. Метафора / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры / [под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 68–71.
7. Ричардс А. Метафора / А. Ричардс // Теория метафоры / [под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 46–67.

8. Складьяревская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складьяревская. – СПб. : Наука, 1993. – 152 с.
9. Большой Китайско-Русский Словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bkrs.info>.
10. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru>.

R e f e r e n c e s :

1. Blek M. Metafora [Metaphor] / M. Blek // Teoriya metafor / [pod red. N. D. Arutyunovoy i M. A. Zhurinskoy]. – M. : Progress, 1990. – S. 155–162.
2. Gusev S. S. Nauka i metafora [Science and metaphor] / S. S. Gusev. – L., 1984. – 104 s.
3. Devidson D. Metafora [Metaphor] / D. Devidson // Teoriya metafor / [pod red. N. D. Arutyunovoy i M. A. Zhurinskoy]. – M. : Progress, 1990. – S. 173–176.
4. Kiklevich A. Prityazheniye yazyka [The attraction of the language] / A. Kiklevich. – T. 1. Semantika. Lingvistika teksta. Kommunikativnaya lingvistika. – Izstin : ALGRAF, 2007. – 30 s.
5. Makkormak E. Kognitivnaya teoriya metafor [Cognitive theory of metaphor] / E. Makkormak // Teoriya metafor / [pod red. N. D. Arutyunovoy i M. A. Zhurinskoy]. – M. : Progress, 1990. – S. 358–361.
6. Ortega-i-Gasset Kh. Metafora [Metaphor] / Kh. Ortega-i-Gasset // Teoriya metafor / [pod red. N. D. Arutyunovoy i M. A. Zhurinskoy]. – M. : Progress, 1990. – S. 68–71.
7. Richards A. Metafora [Metaphor] / A. Richards // Teoriya metafor / [pod red. N. D. Arutyunovoy i M. A. Zhurinskoy]. – M.: Progress, 1990. – S. 46–67.
8. Sklyarevskaya G. N. Metafora v sisteme yazyka [Metaphor in the language system] / G. N. Sklyarevskaya. – SPb. : Nauka, 1993. – 152 s.
9. Bolshoy Kitaysko-Russkiy Slovar [Big Chinese Russian Dictionary] – [Elektronniy resurs]. – Rezhim dostupa : <https://bkrs.info>.
10. Natsionalny korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus] – [Elektronniy resurs]. – Rezhim dostupa : <http://ruscorpora.ru>.

Смирнов І. Використання зооморфної лексики при побудові експресивних синтаксичних конструкцій у російській і китайській мовах.

У статті використана методика зіставлення оригінальних метафор російською мовою та їх перекладів на китайську мову. Ця методика є традиційною: при її використанні зіставляються метафори оригінального тексту та їх переклад на іншу мову. Таке зіставлення дозволяє виявити факти паралелізму метафоричних образів і разом з тим показати, що деякі метафоричні значення не можуть бути переведені на іншу мову буквально, що свідчить про відмінності, що існують у даних мовах.

Ключові слова: зооморфна лексика, метафорична номінація, оцінно-метафорична лексика, лінгвокультурологія.

Smirnov I. The use of zoomorphic lexis in the construction of expressive syntactic structures in the Russian and Chinese languages.

In the article was used the method of comparison of the original metaphors in Russian and their translation into Chinese. This method is concerned as traditional one, because during its usage we compare metaphors of the original text and their translation into another language. This comparison allows to reveal the facts of metaphorical images parallelism and

simultaneously to show that some metaphorical meanings cannot be translated literally into another language, which is the evidence of existence of differences in the metaphorical models of this two languages.

Keywords: *zoomorphic lexis, metaphorical nomination, evaluative lexis, linguoculturology.*

С. В. Талько

Київський національний лінгвістичний університет

АНТРОПОЦЕНТРИЧНІСТЬ МЕТАФОР І ПОРІВНЯНЬ У ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНОМУ ПРОСТОРІ ЗООНІМІВ В УКРАЇНСЬКІЙ І АНГЛІЙСЬКІЙ МОВАХ

У статті пропонується комплексний підхід до вивчення аксіологічно маркованих антропоцентричних метафор та порівнянь в українській і англійській мовах. У ній визначено лінгвоаксіологічну та культурологічну природу антропоцентричних метафор і порівнянь. Складифіковано досліджувані одиниці у лексико-семантичному просторі зоонімів; встановлено, що антропоцентричність як онтологічний чинник творення метафор і порівнянь лежить в основі аксіологічного маркування цих одиниць, які, відображаючи дескриптивну ситуацію в картині світу, містять у своїй семантичній структурі оцінку добре / погано за шкалою цінностей української та англійської етнічних спільнот.

Ключові слова: *аксіологічно марковані антропоцентричні метафори та порівняння, лексико-семантичний простір, зооніми.*

Мова, мислення людини та культура тісно пов'язані між собою. Найвиразніше виявляються такі зв'язки саме в процесі метафоризації і порівняння, на що звернув увагу ще Арістотель [1, с. 97]. Ґрунтовні розробки поняття мовного образу сягають праць В. фон Гумбольдта [4, с. 48], ідеї якого були покладені в основу психолінгвістичної теорії про пізнавальну діяльність мови О. О. Потебні [7, с. 34]. Залежність культури народу від характеру його мови намагався показати у своїх наукових розвідках Е. Сепір та Б. Уорф [15, с. 39, 63]. Суттєвою особливістю метафори і порівняння є їхня реалізація в єдності форми і змісту як складного психологічного процесу. Останній передбачає “розкодування” властивостей позначуваного об'єкта і з'ясування його асоціативних зв'язків з навколишньою дійсністю різномовних етноспільнот.

У статті розглядається антропоцентричність метафор і порівнянь. Антропоцентризм – методологічний принцип дослідження, згідно з яким людина розглядається як центр і найвища мета світобудови. Цей принцип застосовується у лінгвістиці при дослідженні мови як продукту людської діяльності, призначеного для потреб людини посередництвом спілкування, засобу зберігання її досвіду, знань, культури. Антропоцентричність можна